

Г. В. Плеханов. Статья о Л. Н. Толстом. ГИЗ. Стр. 94.

Собранные в настоящем сборнике статьи Г. В. Плеханова («Заметки публициста. Отсюда и досюда». «Смещение представлений». «К. Маркс и Л. Толстой» и пр.) посвящены анализу философской теории Л. Толстого; Толстой как художник в сфере их изложения не входит.

Основная цель всех этих статей — выявление подлинного марксистского отношения к Л. Толстому — теоретику, в противовес тем полумарксистским эклектическим толкованиям Л. Толстого — мыслителя, которые вскоре после смерти Толстого стали распространяться журналом «Наша Заря» в статьях Неведомского, В. Базарова, примирявших толстовство с марксизмом. В основе плехановских отношений к Толстому лежит признание, что Л. Толстой — «гениальный художник и крайне слабый мыслитель». В своих статьях Плеханов четкими штрихами рисует главную сущность философского мировоззрения Толстого, выявляя его несоответствие с марксистским миросозерцанием. Плехановым констатируется глубокая личная душевная опустошенность Л. Толстого. Внутреннее содержание его личности не наполнялось ни интимной, ни общественной жизнью. Толстой проходит мимо шестидесятилетнего движения. Он устремляется от земли к небу, в нем оживают прежние религиозные впечатления детства, и поэтому — когда он склоняется к признанию необходимости бороться за благо народа — он не может в положительной части своего учения создать философию активного действия, а дает вместо этого лишь учение о непротивлении злу. Марксизм — философия реализма, оптимизма, революционного активизма — непримирима с толстовским мировоззрением опустошенной души с ее пассивным, антиобщественным, религиозным характером. Л. Толстой — теоретик и К. Маркс — антиподы. Таков основной тезис плехановских статей.

Заслуживает быть отмеченным замечание Плеханова о глубоком соответствии толстовского поведения с его учением о непротивлении злу, вопреки мнению некоторых «крити-

ков» Л. Толстого, упрекавших его за отсутствие «поступка» с его стороны. Плеханов блестяще опровергает это «общепринятое» мнение о якобы несоответствии толстовского учения и поведения. В моменты же совершения «поступка», напр., в момент написания знаменитого «Не могу молчать» Толстой переставал быть толстовцем, и только тогда он становился близким к делу революции.

Рецензируемый сборник, отчетливо выявляющий соотношение марксизма и толстовства, заслуживает широкого распространения, чему должен способствовать и его большой тираж.

Арх. Глазголев.

М. А. Яковлев. «Лермонтов, как драматург». Изд. «Книга». Ленинград — Москва, 1924 г. Стр. 259.

В книге М. А. Яковлева есть все, чему полагается быть в историко-литературном исследовании. Драмы Лермонтова рассмотрены с точки зрения биографической, социологической, композиционной, но больше всего страниц отведено вопросу о «влияниях» и «заимствованиях» Лермонтова. Тут — центральная часть книги. Автор весьма добросовестен и скрупулезен в выискивании многообразных связей Лермонтова-драматурга с иностранной и русской литературной традицией, но анализ его в этом направлении часто мелочен, дробен и по своим приемам старомоден. «Влияние» и «заимствование» понимаются автором слишком упрощенно, преимущественно в плоскости текстуальной, по существу, наименее показательной. Сами эти сопоставления в ряде случаев поверхностны и неубедительны: например, сопоставление «Маскарада» с «Коварством и любовью» Шиллера. Такого рода «совпадения», обнаруженные автором, могут быть найдены при сопоставлении любых двух литературных произведений, ни в какой связи друг с другом не стоящих.

На всю работу лег отпечаток ученичества, очень усердного и прилежного, но вместе с тем робкого, несвободного. Это чувствуется и в самом стиле работы, сухом, бесцветном, порой неуклюжем и не-